

УДК 34

DOI: 10.34670/AR.2022.20.43.037

**Правовая модель собственности коренных жителей
на природные ресурсы: на примере права на воду
аборигенов Австралии**

Смирнов Олег Аркадьевич

Кандидат физико-математических наук,
доцент,
кафедра Прикладной математики и программирования,
Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина,
115035, Российская Федерация, Москва, ул. Садовническая, 52/45;
e-mail: smirnovoleg1952@mail.ru

Новиков Алексей Валерьевич

Доктор педагогических наук, кандидат юридических наук, профессор;
главный научный сотрудник,
Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний России,
125130, Российская Федерация, Москва, ул. Нарвская, 15а;
профессор кафедры уголовного права,
Астраханский государственный университет,
414056, Российская Федерация, Астрахань, ул. Татищева, 20а;
e-mail: novikov.pravo@mail.ru

Слабкая Диана Николаевна

Научный сотрудник,
Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний России,
125130, Российская Федерация, Москва, ул. Нарвская, 15а;
e-mail: sdn10.70@mail.ru

Аннотация

Обеспечение прав на природные ресурсы для коренных народов является наиболее значимым достижением международного гуманитарного права. Так, именно под воздействием данных процессов в течение нескольких десятков лет сформировалась правовая модель, обеспечивающая права на воду для коренных племен населения Австралии. Показано, что Правительство данной страны не осуществляло процессы реституции до 1960-х годов, когда некоторые юрисдикции отреагировали на общественное движение за более широкое признание прав коренных народов и изменили свои рамки регулирования прав на землю. Новые типы корпоративной собственности на имущество, основанные на правах пользования землей, и более широкие изменения в обязанностях по управлению земельными и природными ресурсами создали определенную степень автономии коренных народов в вопросах земли и окружающей среды. Только в 1983 году

законодательство ретроспективно легализовало эти незаконные земельные владения наряду с принятием Закона о правах аборигенов Нового Южного Уэльса 1983 года. Указанная реформа доступа к водным ресурсам позволила сформировать рынок воды, что позволило организациям коренных народов получить дополнительную прибыль. Однако экологические ограничения на лицензии на воды с начала 1980-х фактически прекратили доступ к водным ресурсам для коренного населения. Поэтому эффективность реализации положений Закона о правах аборигенов на землю в 1983 году была несущественной, в том числе и из-за существенных ограничений на качество земель (только не пригодные для проживания и возделывания). В работе показано, что вторым способом, с помощью которого организации аборигенов получили лицензии на водные ресурсы, являются схемы приобретения земель аборигенами правительствами штатов и федеральных органов власти. Покупка недвижимости могла бы стать эффективным средством получения большего количества прав на воду, поскольку земля, доступная для покупки, могла иметь лицензии на воду, но этот потенциал был ограничен. Поэтому, фактически только после 2000-х годов коренные народы получили права на водные ресурсы на основании положений «прибрежного права» и соответствующих лицензий на продажу и использование водных ресурсов.

Для цитирования в научных исследованиях

Смирнов О.А., Новиков А.В., Слабкая Д.Н. Правовая модель собственности коренных жителей на природные ресурсы: на примере права на воду аборигенов Австралии // Вопросы российского и международного права. 2022. Том 12. № 1А. С. 389-397. DOI: 10.34670/AR.2022.20.43.037

Ключевые слова

Права собственности, природные ресурсы, коренное население, аборигены Австралии, конституционные права.

Введение

В современных исследованиях является доказанным тот факт, что во многих странах с компактным проживанием коренного населения были нарушены их права на территории ведения традиционный образ жизни в той или иной форме. Это могло проявляться как непосредственно в ограничении доступа к земельным ресурсам, так и в форме загрязнения природных ресурсов – воды и воздуха. Одновременно с развитием правовой системы стал осуществляться поиск институциональной модели обеспечения прав коренного населения, признания их прав. Так, к 1970-м годам в международных конвенциях было закреплено, что соблюдение прав на традиционный уклад жизни является ключевым фактором их развития. Для имплементации данных положений в национальном законодательстве многими странами были признаны абсолютные или общие права коренных народов на пользование поверхностью или недрами. В ряде случаев была предложена компенсация за потерю земельных ресурсов. и в некоторых случаях компенсировали коренным народам потерю территории.

Анализ тенденций в реформе землевладения коренных народов и присвоении титулов коренным народам указывает на влияние целого ряда механизмов на социальные институты и условия жизни коренного населения, а также на способы распределения земли. При этом

исторически, процесс колонизации представлял собой отрицание прав на природные ресурсы коренного населения. Все это привело к необратимым последствиям для коренных народов.

В вопросах развития правового статуса коренных народов именно проблема собственности земли стала основным направлением в 1970-х. При этом современные международные стандарты в области прав человека в настоящее время рассматривают право на землю как основной фактор устойчивого развития коренных народов.

Основное содержание

Рассмотрим опыт Австралии, где коренным народам были возвращены права коренному населению над территориями, составляющими не менее 30% земель континента в форме законных прав на землю и титулов коренных народов. В Латинской Америке государства также расширили новые режимы прав собственности, трансформировав способ признания прав коренных народов и сопутствующих моделей коллективной собственности. Латиноамериканские государства в настоящее время признают права коренных народов и выходцев из Африки на владение около 200 миллионов гектаров земли. Хотя последствия реституции пространственно неравномерны как между государствами-поселенцами, так и внутри них, коренные народы сегодня управляют или имеют права владения более чем четвертью земной поверхности мира.

Как землевладение, так и владение водными ресурсами являются важными правами собственности, которые формируют регулирование политической экономики региона. Например, до 236 племен коренных американцев имеют земли с нерешенными претензиями на подземные воды на западе США, где водоснабжение становится все более напряженным, а решения о распределении воды сильно оспариваются. То есть и в настоящее время данная проблема является весьма актуальной во многих странах мира.

Однако, в настоящее время вопросы защиты прав коренного населения в отношении прав на иные природные ресурсы являются нерешенными. В частности, эта проблема касается обеспечения доступа к таким дефицитным ресурсам как водные по отношению к аборигенам Австралии. Устоявшаяся система государственного регулирования доступа к ресурсам привела к тому, что для обеспечения прав на землю в некоторых случаях представители коренных народов осуществляли в течение десятилетий.

В большинстве развитых стран мира были введены процедуры рассмотрения претензий на землю и урегулирования споров для возвращения земель коренным народам, признали абсолютные или общие права коренных народов на использование поверхности или недр и в некоторых случаях компенсировали коренным народам потерю территории.

Анализ тенденций в реформе землевладения коренных народов и присвоении титулов коренным народам показывает влияние целого ряда механизмов на социальные институты и условия жизни населения, а также на модели реализации прав на земельные ресурсы. Однако, в отношении иных ресурсов, таких как водные, данный механизм фактически не изучен. В современном праве выявлено существенно меньше данных о влиянии этих механизмов на права коренных народов на воду (поверхностные или подземные воды) или о том, каким образом другие глобальные процессы, которые перестраивают права на воду, влияют на коренные народы. Относительное отсутствие внимания к правам коренных народов на воду может быть частично объяснено тем фактом, что во многих юрисдикциях права на воду рассматривались государствами как вспомогательный компонент прав владения землей, а в регионах, где воды

много, может быть мало необходимости в регулировании владения водой. Более того, политические, нормативные и административные рамки, которые когда-то совместно регулировали земельные и водные ресурсы, часто развивались в относительной изоляции друг от друга.

Сущность прав на землю и воду и порядок их распределения имеют последствия для их современного использования и управления, а также для социальных и экономических условий коренных народов, ведущих традиционный образ жизни. Значимость данного ресурса делает рассмотрение прав на воду не менее значимыми, чем права коренных народов.

Рассмотрим эволюцию прав на воду коренного населения Австралии. До британской оккупации в Австралии существовало множество и разнообразных систем права собственности на землю. Британцы не признавали и не стремились защищать эти традиционные системы, касающиеся как земли, так и воды, и они не заключали официальных договоров с коренными народами. Процесс создания и предоставления земли поселенцам — без учета систем землевладения коренных народов — стал причиной процесса лишения собственности. Согласно экономическим исследованиям, в колониальный период большая часть богатства Австралии была основана на эксплуатации водных ресурсов для добычи полезных ископаемых, городского водоснабжения, а затем и орошаемого земледелия. Расширение скотоводческих поселений вдоль водных путей оказало сильное давление на землепользование аборигенов, радикально изменив страну, а конкуренция за землю и особенно воду ускорила конфликт. В результате локальных конфликтов коренное население Австралии было сильно сокращено.

Австралийские колонии придерживались законодательства, основанного на английском общем праве, согласно которому существовал «прибрежный режим» предоставлял права на использование воды из ручьев и рек соседним (прибрежным) землевладельцам, преимущественно скотоводам.

Общины аборигенов не имели обладали землей, поэтому не имели права осуществлять прибрежные права общего права, в то время как колонизаторы пользовались гарантией «разумного использования» воды, а также существенными государственными субсидиями для создания фермерских хозяйств. С конца 1800-х и начала 1900-х годов колониальные Правительства предоставили английскому правительству прямой контроль над водными ресурсами, чтобы стимулировать расширение сельского хозяйства. Все это стало причиной централизации управления водными ресурсами и создания специализированного органа — Национальной комиссии по водным ресурсам.

В период с 1918 по 1970-е годы были реализованы государственные инвестиции в ирригационные мероприятия и регулирование рек, включая строительство крупных плотин, а также многих плотин и шлюзов. В течение этого времени органы государственного управления выделяли воду через установленные законом системы подачи заявок на получение лицензий, где потенциальные пользователи подавали заявки на получение прав на воду с минимальными затратами. При этом количество отказов было незначительным. Торговые права на доступ к воде, появившиеся в конце двадцатого века, были основаны на этих первоначальных лицензиях и разрешениях на забор воды.

В течение девятнадцатого века и вплоть до середины двадцатого века колониальные власти переселяли все большее число коренных народов в специальные резервации. Одной из основных заявленных целей резерваций аборигенов было ведение сельского хозяйства и сельскохозяйственная деятельность, которые частично предназначались для содействия самообеспечению в рамках более широкой программы ассимиляции. Однако размер данных

резерваций постоянно сокращался в условиях политического давления крупных землевладельцев.

Процессы расселения, сдерживания, регулирования и ассимиляции значительно снизили способность коренных народов использовать свои земли и водные ландшафты, что оказало глубокое воздействие на способность народов сохранить культурные ценности. В колониальной истории Австралии резервация служила местом исключительного проживания коренных племен, созданных и контролируемых правительствами для обеспечения безопасности территории. При этом, данным племенам не были переданы права на землю, на которой они проживали.

Австралийское Правительство не инициировало процесс реституции до 1960-х годов, когда некоторые юрисдикции отреагировали на общественное движение за более широкое признание прав коренных народов и изменили подходы к регулированию прав на землю. Новые типы корпоративной собственности на имущество, создали определенную степень автономии коренных народов в вопросах земли и окружающей среды. С 1966 года права коренных народов на землю были представлены парламентам штатов во всех юрисдикциях, все это позволило к 1976 году сформировать законодательство, позволяющего сохранять права на природные ресурсы.

В 1983 году легализовало земельные владения наряду с принятием Закона о правах аборигенов Нового Южного Уэльса 1983 года. Законодательство установило процесс определения требований, передачи земли (которая иногда включала права собственности на воду или другие активы) вновь созданным Земельным советам коренных народов и оказания поддержки этим земельным советам в приобретении земли. В период с момента его введения и до середины 2014 года это обеспечило положительное решение на около 2500 заявок на землю (общей площадью 127 000 га). Это составляет всего около 0,15 % от всего штата, или 0,4 % от наследственного имущества штата и несопоставимо с размером владений коренных народов, возвращенных в соответствии с некоторыми другими законодательными схемами прав на землю.

Указанный нормативный акт не содержит каких-либо определенных положений о правах на воду, но его механизмы позволили некоторым организациям коренных народов приобретать воду, однако он предусматривал автоматическую передачу земель, которые в то время находились в ведении Земельного фонда аборигенов, большая часть которых была бывшей резервной землей. Как упоминалось выше, эти исторические заповедники служили ключевыми сельскохозяйственными базами, а некоторые из них включали права доступа к воде. Эти передачи резервных земель обычно включали лицензии на водные ресурсы, разрешающие использование скота и домашних хозяйств, в некоторых случаях сельское хозяйство. Однако заповедники, переданные в 1983 году, составляли менее четверти земель, которые Новый Южный Уэльс исторически зарезервировал для коренных народов. Согласно разделу 36 Закона о правах аборигенов Нового Уэльса 1982 года, претендовать можно только на пустующие, неиспользуемые земли Англии. Это земли, которые «не нужны и вряд ли понадобятся» в качестве жилых земель или основных общественных целей и «не используются или не заняты законно». По существу, пустующий и неиспользуемый (и в значительной степени непродуктивный) характер земли, на которую претендуют, резко контрастирует с типом земли, к которой были привязаны права на воду (т.е. обрабатываемая земля). Таким образом, данная земля, доступ к которой был предоставлен с середины 1980-х годов, не позволял получить какой-либо лицензированный доступ к воде. Возможно, наиболее важно то, что с 1982 года

правительство Нового Южного Уэльса постепенно вводило эмбарго на новые лицензии на воду в регулируемых системах, чтобы снизить экологическую нагрузку на водные ресурсы.

В конце 1970-х годов способ управления водными ресурсами в Австралии значительно изменился. Поскольку потребности в воде начали превышать среднее предложение, некоторые юрисдикции ввели эмбарго на выдачу новых лицензий и начали реформировать права на воду и внедрять новые формы собственности на воду, среди других изменений, характерных для неолиберальной политики в области ресурсов. Интерес к рынкам как средству более эффективного распределения воды также усилился, и к 1990-м годам торговля водой сформировалась как крупный рынок природных ресурсов. Эти реформы стали причиной участия в торговле организаций коренных народов.

В настоящее время государства устанавливают более строгий контроль над водными ресурсами и создают сложные механизмы регулирования для облегчения распределения прав на воду. Кроме того, в ряде стран и регионов государства приватизируют воду для решения проблемы ее нехватки. Система распределения воды в каждом штате обычно определяет бассейны воды, доступные для потребления, и распределяет воду владельцам прав. Каждый водный сезон (с июля по июнь) вода распределяется в процентах от объема водных ресурсов, исходя из наличия воды в хранилищах, ожидаемого притока и других факторов. Права на воду существуют как в регулируемых системах (преимущественно на юге, где потоки контролируются с помощью инфраструктуры, которая хранит и выпускает воду, так и в нерегулируемых системах.

Заключение

Австралийские правительства не инициировали процессы реституции до 1960-х годов, когда некоторые юрисдикции отреагировали на общественное движение за более широкое признание прав коренных народов и изменили свои рамки регулирования прав на землю. Новые типы корпоративной собственности на имущество, основанные на правах «предыдущего занятия», и более широкие изменения в обязанностях по управлению земельными и природными ресурсами создали определенную степень автономии коренных народов в вопросах земли и окружающей среды.

В 1983 году законодательство ретроспективно легализовало эти незаконные земельные владения наряду с принятием Закона о правах аборигенов Нового Южного Уэльса 1983 года.

Реформа доступа к водным ресурсам позволила сформировать рынок воды, что позволило организациям коренных народов получить дополнительную прибыль. Однако экологические ограничения на лицензии на воды с начала 1980-х фактически прекратили доступ к водным ресурсам для коренного населения. Поэтому эффективность реализации положений Закона о правах аборигенов на землю в 1983 году была несущественной, в том числе и из-за существенных ограничений на качество земель (только не пригодные для проживания и возделывания).

Вторым основным способом, с помощью которого организации аборигенов получили лицензии на водные ресурсы, являются схемы приобретения земель аборигенами правительствами штатов и федеральных органов власти. Покупка недвижимости могла бы стать эффективным средством получения большего количества прав на воду, поскольку земля, доступная для покупки, могла иметь лицензии на воду, но этот потенциал был ограничен. Поэтому, фактически только после 2000-х годов коренные народы получили права на водные

ресурсы на основании положений «прибрежного права» и соответствующих лицензий на продажу и использование водных ресурсов.

Библиография

1. Смирнов О.А., Ноздрин Н.А. Здоровье как ценность в культурах традиционного уклада жизни: обобщение международных исследований // Культура и цивилизация. 2021. Том 11. № 5А. С. 230-235. DOI: 10.34670/AR.2021.77.26.028
2. Смирнов О.А., Ноздрин Н.А. Политические процессы решения проблемы водоснабжения в ЮАР // Теории и проблемы политических исследований. 2021. Том 10. № 3А. С. 92-99. DOI: 10.34670/AR.2021.90.43.010
3. Смирнов О.А. Онтологические компоненты формирования транспортной системы обеспечения транспортной доступности // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2020. Том 9. № 5В. С. 233-237. DOI: 10.34670/AR.2020.21.95.003
4. Cook, K., Goodall, H., 2013. Making Change Happen: Black and White Activists Talk to Kevin Cook About Aboriginal, Union and Liberation Politics. ANU E-Press, Canberra, Australia.
5. Cornthassel, J., 2012. Re-envisioning resurgence: indigenous pathways to decolonization and sustainable self-determination. *Decolonization* 1 (1), 86—101.
6. Curley, A., 2019. "Our Winters' Rights": challenging colonial water laws. *Glob. Environ. Polit.* 19 (3), 57-76. https://doi.org/10.1162/glep_a_00515.
7. Debaere, P., Richter, B.D., Davis, K.F., Duvall, M.S., Gephart, J.A., O'Bannon, c.E., et al., 2014. Water markets as a response to scarcity. *Water Policy* 16 (4), 625—649. <https://doi.org/10.2166/wp.2014.165>.
8. Goodall, H., 1996. Invasion to Embassy. Land in Aboriginal Politics in New South Wales. Allen & Unwin Pty Ltd., St Leonards, Australia, pp. 1770—1972.
9. Grafton, R.Q., Wheeler, S., 2018. Economics of water recovery in the Murray-Darling Basin, Australia. *Annu. Rev. Resour. Econ.* 10, 487—510. <https://doi.org/10.1146/annurev-resource-100517-023039>.
10. Grafton, R.Q., Libecap, G., McGlennon, S., Landry, C., O'Brien, B., 2011. An integrated assessment of water markets: a cross-country comparison. *Rev. Environ. Econ. Policy* 5 (2), 219-239. <https://doi.org/10.1093/reep/rer002>.

Legal model of indigenous ownership of natural resources: on the example of the right to water of the Aborigines of Australia

Oleg A. Smirnov

PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor,
Department of Applied Mathematics and Computer Science,
Russian State University named after A.N. Kosygin,
115035, 52/45, Sadovnicheskaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: smirnovoleg1952@mail.ru

Aleksei V. Novikov

Doctor of Pedagogy, PhD in Law,
Professor of Law, Chief Scientific Officer,
Scientific-Research Institute of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation,
125130, 15a, Narvskaya str., Moscow, Russian Federation;
Professor of Criminal Law Department,
Astrakhan State University,
4140546, 20a, Tatishcheva str., Astrakhan, Russian Federation;
e-mail: novikov.pravo@mail.ru

Diana N. Slabkaya

Scientific Officer,
Scientific-Research Institute of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation,
125130, 15a, Narvskaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: sdn10.70@mail.ru

Abstract

Ensuring the rights to natural resources for indigenous peoples is the most significant achievement of international humanitarian law. Thus, it was under the influence of these processes that a legal model has been formed for several decades, ensuring the rights to water for indigenous tribes of the Australian population. It is shown that the Government of this country did not implement restitution processes until the 1960s, when some jurisdictions reacted to the social movement for wider recognition of the rights of indigenous peoples and changed their framework for regulating land rights. New types of corporate property ownership based on land use rights and broader changes in land and natural resource management responsibilities have created a degree of autonomy for indigenous peoples in matters of land and the environment. It was not until 1983 that legislation retrospectively legalized these illegal land holdings along with the passage of the New South Wales Aboriginal Rights Act 1983. This reform of access to water resources allowed the formation of a water market, which allowed indigenous organizations to gain additional profit. However, environmental restrictions on water licenses since the early 1980s have effectively stopped access to water resources for the indigenous population. Therefore, the effectiveness of the implementation of the provisions of the Law on the Rights of Aborigines to Land in 1983 was insignificant, including due to significant restrictions on the quality of land (only not suitable for habitation and cultivation). The paper shows that the second way in which Aboriginal organizations have obtained licenses for water resources are schemes for the acquisition of Aboriginal land by state and federal governments. Buying real estate could be an effective means of obtaining more water rights, since the land available for purchase could have water licenses, but this potential was limited. Therefore, in fact, it was only after the 2000s that indigenous peoples received rights to water resources on the basis of the provisions of "coastal law" and the corresponding licenses for the sale and use of water resources.

For citation

Smirnov O.A., Novikov A.V., Slabkaya D.N. (2022) Pravovaya model' sobstvennosti korennykh zhitelei na prirodnye resursy: na primere prava na vodu aborigenov Avstralii [The legal model of indigenous ownership of natural resources: on the example of the right to water of the Aborigines of Australia]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 12 (1A), pp. 389-397. DOI: 10.34670/AR.2022.20.43.037

Keywords

Property rights, natural resources, indigenous people, aborigines of Australia, constitutional rights.

References

1. Cook, K. , Goodall, H., 2013. Making Change Happen: Black and White Activists Talk to Kevin Cook About Aboriginal, Union and Liberation Politics. ANU E-Press, Canberra, Australia.

2. Corntassel, J., 2012. Re-envisioning resurgence: indigenous pathways to decolonization and sustainable self-determination. *Decolonization* 1 (1), 86—101.
3. Curley, A. , 2019. "Our Winters' Rights": challenging colonial water laws. *Glob. Environ. Polit.* 19 (3), 57-76. https://doi.org/10.1162/glep_a_00515.
4. Debaere, P., Richter, B.D., Davis, K.F., Duvall, M.S., Gephart, J.A., O'Bannon, c.E., et al., 2014. Water markets as a response to scarcity. *Water Policy* 16 (4), 625—649. <https://doi.org/10.2166/wp.2014.165>.
5. Goodall, H. , 1996. *Invasion to Embassy. Land in Aboriginal Politics in New South Wales*. Allen & Unwin Pty Ltd., St Leonards, Australia, pp. 1770—1972.
6. Grafton, R.Q., Libecap, G., McGlennon, S., Landry, C., O'Brien, B., 2011. An integrated assessment of water markets: a cross-country comparison. *Rev. Environ. Econ. Policy* 5 (2), 219-239. <https://doi.org/10.1093/reep/rer002>.
7. Grafton, R.Q., Wheeler, S. , 2018. Economics of water recovery in the Murray-Darling Basin, Australia. *Annu. Rev. Resour. Econ.* 10, 487—510. <https://doi.org/10.1146/annurev-resource-100517-023039>.
8. Smirnov O.A. (2020) Ontologicheskie komponenty formirovaniya transportnoi sistemy obespecheniya transportnoi dostupnosti [Ontological components of the formation of a transport system for ensuring transport accessibility]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 9 (5B), pp. 233-237. DOI: 10.34670/AR.2020.21.95.003
9. Smirnov O.A., Nozdrina N.A. (2021) Politicheskie protsessy resheniya problemy vodosnabzheniya v YuAR [Political processes of solving the problem of water supply in South Africa]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy* [Theories and Problems of Political Studies], 10 (3A), pp. 92-99. DOI: 10.34670/AR.2021.90.43.010
10. Smirnov O.A., Nozdrina N.A. (2021) Zdorov'e kak tsennost' v kul'turakh traditsionnogo ukhada zhizni: obobshchenie mezhdunarodnykh issledovaniy [Health as a value in traditional lifestyle cultures: generalization of international studies]. *Kul'tura i tsivilizatsiya* [Culture and Civilization], 11 (5A), pp. 230-235. DOI: 10.34670/AR.2021.77.26.028